

А.А.Щелчков

Путешествие Хуана Бустаманте в Россию в 1848 г.

Перуанский политический деятель и публицист Хуан Бустаманте посвятил жизнь познанию мира и борьбе за права коренного населения своей родины. Будучи основателем «Общества друзей индейцев» в 1867 г. возглавил восстание крестьян в Пуно, за что был казнен властями. Неутомимый путешественник, он посетил и нашу страну и опубликовал заметки об этой поездке, которые стали единственным описанием России XIX в., сделанным латиноамериканцем.

Ключевые слова: Бустаманте, Россия, самодержавие, романтизм, утопический социализм, индейские восстания в Перу.

Имя Хуана Бустаманте хорошо известно историкам Перу по восстанию индейцев 1867 г., но до сих пор в тени оставался тот факт, что он был первым латиноамериканцем, оставившим любопытные путевые заметки о нашей стране. В России же, где сегодня широкий читатель зачитывается воспоминаниями о путешествиях в нашу страну маркиза А. де Кюстина или драматурга Ф.Ансело¹, совершенно не известно сочинение любознательного и обладавшего пытливым умом перуанца. Между тем, Бустаманте высказал суждения, чрезвычайно отличающиеся от оценок французских путешественников. Нам, с обостренным чувством ревности воспринимающим любые суждения иностранцев о России и русских, будет весьма приятно обнаружить самые лестные оценки как в отношении нашей страны, так и ее народа.

Хуан Бустаманте — выдающийся политический деятель Перу XIX в., человек с уникальной биографией, совершивший неординарные поступки. Родился в 1808 г. в Вильке, недалеко от Пуно, на перуанском Альтиплано. Его отцом был богатый креол из Арекипы, мать происходила из могущественной семьи местных латифундистов. Бустаманте получил приличествующее статусу его семьи образование, рано включился в политическую жизнь как один из лидеров креольской элиты провинции. Одновременно он был процветающим коммерсантом в Пуно (торговал шерстью). В 1839 г. его избрали депутатом конгресса от провинции Лампа. Однако законодательная деятельность его не привлекала. Являясь наследником огромного состояния, он мог позволить себе осуществить мечту молодости — познать мир, посетить старый Свет и Азию. В 1840 г. он вернулся в Пуно, где продал часть своих земель, остальные раздал индейцам-колонам². Его мало интересовало богатство, зато влекли новые земли и впечатления².

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

За четыре года Бустаманте удалось объехать полсвета. Он побывал на Кубе, в Северной Америке; жил в Англии и во Франции. Затем перебрался на восток, в Турцию, посетил святыне в Палестине. Далее его путь лежал в Индию и Китай. В 1844 г. через Вальпараисо он вернулся в Перу. Пожалуй, такого маршрута тогда не было ни у одного путешественника из Южной Америки. В 1845 г. он опубликовал в Лиме свои первые путевые заметки, за год выдержавшие два издания³. Бустаманте был единственным писателем-латиноамериканцем, не считая Д.Ф.Сармьенто, посетившим Старый Свет и опубликовавшим свои заметки.

По возвращении на родину Бустаманте вновь включается в политическую борьбу: избирается депутатом конгресса от провинции Лампа.

Хуан Бустаманте

Однако вскоре его опять одолела «охота к перемене мест». В Перу его называют «сумасшедший Бустаманте» — на кечуа «Mundo Purikuj», т.е. «обойдящий весь мир». В 1848 г. он вновь отправляется в Европу. Его путь лежал по знакомым уже Англии и Франции, затем через Германию он добрался до России. Это путешествие было насыщено яркими и незабываемыми впечатлениями. В Петербурге он познакомился с будущим открывателем Трои Генрихом Шлиманом, который стал его гидом по российской столице. В Риме он удостоился личной аудиенции у Папы Григория XVI, а в Иерусалиме его посвятили в рыцари у Гроба Господня. В Париже в 1848 г. Бустаманте стал свидетелем июньского восстания пролетариата. Результатом этого путешествия явилась книга, отрывки из которой, посвященные Москве и Санкт-Петербургу, мы и предлагаем в данной публикации⁴.

В 1849 г. Бустаманте вернулся на родину и со всей свойственной ему страстностью окунулся в политическую жизнь страны, примкнув к либералам. Он всегда был сторонником президента-реформатора Рамона Кастильи, с которым познакомился и подружился, когда тот был префектом Пуно. Во время гражданской войны 1854—1855 гг., ставшей прелюдией буржуазной революции в Перу, Бустаманте присоединился к войскам Р.Кастильи, возглавившего движение против консерватора Х.Р.Эченике⁵. После возвращения из Европы у Бустаманте сложился четкий план реформ в военной, финансовой, просветительской области, который он стремился реализовать у себя на родине⁶. Кастилья казался ему наиболее подходящей кандидатурой для проведения демократических реформ. Бустаманте верил, что Кастилья «установит социальное, экономическое и политическое равенство»⁷. Надо сказать, что так же думали и чилийские «игуалитарии»* во главе с Франсиско Бильбао, нашедшие убежище в Перу и активно поддерживавшие Кастилью. В 1855 г. полковник Бустаманте во главе батальона из Пуно участвовал в решающей битве при Ла-Пальме, в которой победили войска Кастильи.

* Члены чилийского «Общества равенства» (от исп. «igualdad» — «равенство»).

В 1856 г. Бустаманте был избран в Учредительное собрание, принявшее самую либеральную конституцию Перу в XIX в. В собрании он произносил пылкие речи в защиту демократии, против милитаризма и каудильизма. Он предложил принять крайне радикальный закон, приравнивавший к мятежу и предательству родины любое невыполнение или нарушение положений конституции, защищавших гражданское равенство индейцев⁸. В результате страстных выступлений в защиту индейского населения, за отмену подушной подати (трибута) и рабства в Перу он приобрел репутацию опасного мечтателя и утописта.

В 1863 г. Бустаманте был назначен префектом Куско, однако на новом посту пробыл чуть более месяца. Он отменил штрафы за правонарушения, которые ставили в неравное положение имущих и бедняков. Кусканская элита не смогла вытерпеть такого экстравагантного префекта, и в результате интриг он был смещен⁹.

После неудачи на государственном поприще Бустаманте полностью посвятил себя делу освобождения индейцев. В середине 1866 г. он основал в Лиме Общество друзей индейцев. В него вошел, в частности, видный демократ и либерал, бывший священник Франсиско де Паула Гонсалес Вихиль¹⁰, которого считали сторонником «социализма по Прудону»¹¹. Бустаманте также поддержал директор газеты «El Comercio» Мануэль Амуратеги. Членами общества стали многие передовые перуанские деятели, политики и интеллектуалы. Оно приобрело значительное влияние.

Своими целями общество провозгласило освобождение индейцев от крепостной зависимости, установление полного гражданского равноправия в Перу. Его члены обращались к помещикам, призывая их к христианскому гуманизму и филантропии, к уважению человека как создания Божия. Бустаманте выступал против рабства и угнетения, но, одновременно, в полном соответствии с господствовавшими тогда либеральными представлениями, вторым после рабства социальным врагом считал индейскую общину — айлью, рассматривая ее как тормоз на пути цивилизации и прогресса. Вслед за Боливаром члены общества хотели видеть в индейце свободного работника, крестьянина, если и работающего на помещика, то за плату¹². Еще в своих заметках Бустаманте отмечал «оскорбительный и безобразный характер налогообложения индейцев», которые были единственным сословием, продолжавшим платить колониальную подушную подать¹³.

В 1867 г. против президента-либерала М.И.Прады выступил генерал П.Д.Кансеко, который ратовал за восстановление трибута с индейцев. Затем вспыхнуло восстание индейцев в Уанаке (в районе оз. Титикака), позднее распространившееся на весь регион Пуно. Известия об этом застали Бустаманте в Лиме. Он призвал политиков серьезно обсудить причины вооруженного протеста. В своих газетных выступлениях Бустаманте подчеркивал, что ужасное положение индейца толкает его на восстание «не потому, что он сопротивляется цивилизации и не воспринимает моральной, независимой гражданской жизни, а потому что все остальные живут за счет его пота, его бедности, невежества и угнетения». Публицистическая активность не принесла видимых результатов, и Бустаманте решился на радикальные действия: самому возглавить индейское движение, стать освободителем. В своей последней статье он заключал: «Нет освобождения без освободителя, нет достоинства без жертвы! Итак, вперед!»¹⁴.

Перед тем как отправиться в Пуно, Бустаманте опубликовал «Манифест». В нем он заявил: «Гуманистическое чувство, братство, которые освещает наша религия, обязывают меня принять на себя бремя решения

проблем индейцев. Мой лозунг и моя программа состоят в том, что индейцы не будут исключены из социальных благ, которыми пока пользуются только белые»¹⁵. Участие Бустаманте в восстании придало ему общенациональный характер. К нему присоединился субпрефект района Антонио Риверос. Масштаб движения так напугал местных креолов, что префект Пуно запросил военной помощи у своих ближайших соседей — боливийцев. Правительство Боливии во главе с Мариано Мельгарехо проводило радикальную антииндейскую политику.

В конце 1867 г. перуанские войска, направленные из Куско, разбили индейские отряды. Начались жестокие репрессии против восставших. 2 января 1868 г. в городке Пуси Бустаманте публично пытали, а затем казнили. 72 индейца были заперты в маленьком помещении, где мученически погибли, задохнувшись в этой импровизированной газовой камере. Гибель Бустаманте превратила его в легенду, почти в «святого» в глазах индейцев Перу, которые уже после его смерти приписали ему прямое родство с инками, с Тупак Амару.

Уникальная и трагическая биография Бустаманте подчеркивает историческое значение его поступков и взглядов для истории Перу, да и всей Латинской Америки XIX в. Бустаманте был защитником бедных, обездоленных, борцом за справедливость и равенство людей. Для формирования его взглядов огромное значение имели его опыт и знакомство с реалиями Европы и Азии, с передовыми идеями того времени. У Бустаманте консервативно-патерналистские идеи сочетались с передовыми гуманистическими и даже социалистическими.

По мнению французского исследователя П.Л.Абрамсона, на перуанца оказали влияние работы его знаменитой соотечественницы, социалистки-утопистки Флоры Тристан¹⁶. Скорее всего, он читал ее «Прогулки по Лондону», что отразилось на его видении западноевропейской действительности кануна 1848 г. Кроме того, большое впечатление на него произвел роман Э.Сю «Парижские тайны»¹⁷, вдохновлявший многих социалистов-романтиков в Чили, в Новой Гранаде, на Ла-Плате. Эти произведения явились для Бустаманте ориентиром в социальных проблемах Европы и Америки. Если в своей книге о первом путешествии в Старый Свет он использовал привычное для обозначения бедноты и трудящихся слово «рабочник», то в заметках о втором уже появляются термины «класс», «средний класс», «рабочий класс», «пролетариат».

Во время своих путешествий Бустаманте стремился посещать места, где обитал простой народ: рынки, больницы, сиротские дома, тюрьмы, школы. Он писал: «Меня не интересует жизнь аристократии, привилегированных классов, их пороки, роскошь. Не эти люди привлекают мое внимание. Я всегда хочу поближе познакомиться с обычаями и привычками трудового народа, ибо он является подлинным творцом всех благ, всех удовольствий, которыми пользуются другие... Именно этот народ стонет от притеснений, несчастий и нищеты»¹⁸. Эти принципы, воспринятые Бустаманте от его «духовного» наставника Ф.Тристан, смогли открыть ему глаза на нравы передовых европейских столиц, которым он дал убийственные характеристики.

Его описание Лондона 40-х годов выдает в нем социалиста-утописта. Всем в Англии управляют деньги, коммерция, погоня за прибылью, и это заставляет всех мириться с безнравственностью, античеловечностью и несправедливостью. Лондон — это «ад» современного капитализма: «Лондон — вопиющий контраст роскоши и нищеты... О, Лондон, ты чудовищное смешение величия человеческих достижений и самой жестокой нищеты!»¹⁹. Он искренне недоумевал, как можно «получать удовольствие от жизни, купаясь в роско-

ши, посреди душераздирающих сцен народной нищеты»²⁰. Перуанец с ужасом взирал на этот «образец прогресса и развития».

Бустаманте — подлинный романтик, мечтатель и гуманист. Он считал себя истинным христианином, который не может мириться со страданиями бедняков. Подобные настроения были типичными для латиноамериканских утопистов XIX в., соединявших утопический социализм и учение Христа. Эта традиция и поныне жива в различных вариантах латиноамериканской антиимпериалистической революции — от «теологии освобождения» до боливаризма Чавеса. У Бустаманте страстный христианский гуманизм сочетался с антиклерикализмом и неприязнью к церкви, которая, по его утверждению, нанесла Перу наибольший ущерб.

Его оценка Французской революции 1848 г. опиралась именно на гуманистические принципы. Осуждая желание рабочих Парижа «установить коммунистическую и социальную систему без частной собственности и без института семьи», Бустаманте отчасти оправдывал восставших. Он отмечал, что рабочему классу отказывали в его политических правах, а накануне восстания закрыли национальные мастерские, где множество людей находили работу и пропитание²¹. Но, взывая к справедливости, Бустаманте не верил в социальное равенство, утверждая, что подобная идея могла родиться только в головах французов, слишком легковесных и мечтательных в своих суждениях²².

Восторженные заметки Бустаманте, посвященные Российской империи, представляющей неким оазисом всеобщего благоденствия и мира, являются контрастом по сравнению с осуждением нищеты, деспотизма и бесправия рабочего класса в Западной Европе. Россия произвела на Бустаманте огромное впечатление, и доказательство этому — посвященная нашей стране наибольшая по объему в книге глава, к тому же написанная с неподдельным энтузиазмом.

Первый контакт Бустаманте с российской действительностью не сулил ничего хорошего. Он, как и маркиз де Кюстин, посвятил немало иронических строк описанию невероятно длительной и казавшейся бессмысленной процедуры пограничного и таможенного контроля в Кронштадте. Однако после прибытия по Неве в Санкт-Петербург, который произвел на него неизгладимое впечатление своей потрясающей градостроительной панорамой, тональность записок меняется. Все или почти все вызывает восторг и одобрение.

Особый интерес представляют рассуждения Бустаманте о российской политической системе. Он утверждал, что в России ровно столько же свободы, что и в европейских странах. Российский деспотизм, по его мнению, обуславливал «варварское» состояние народа страны. Но власть была «мягкой и отеческой». Бустаманте был более близок патерналистский деспотизм, «заботящийся» о своих подданных, нежели режимы, унижающие человеческое достоинство нищетою пролетариата в «свободных» странах Европы²³.

Парадоксальность взглядов перуанского мыслителя, являвшегося предшественником М.Гонсалеса Прады и Х.К.Мариатеги, выделяет его среди политиков и мыслителей Латинской Америки XIX в. В них было редкое сочетание апологетики индихенизма, романтизма и социального утопизма с оправданием российского самодержавия.

Ниже читателю предлагаются отрывки из описания путешествия Бустаманте, относящиеся к его пребыванию в Москве и Санкт-Петербурге*.

* Перевод А.А.Щелчкова.

ЗАМЕТКИ И НАБЛЮДЕНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ПО ВПЕЧАТЛЕНИЯМ, ПОЛУЧЕННЫМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ

Кронштадт, расположенный на небольшом о-ве Котлин, со своей мощной крепостью и арсеналом господствует над входом в залив и является торговым и военным портом Санкт-Петербурга...

Как только мы причалили к этому замечательному месту, наш корабль заполнили русские чиновники. Они тут же организовали три стола, олицетворявших три учреждения или министерства, обложились множеством книг, регистрационных журналов и разных инструментов, предназначенных для подробной и суровой инспекции всего того, что находилось внутри парохода.

Сначала вступил в действие стол, где проверялись личность и происхождение пассажиров, мы все должны были смиренно рассказывать о себе: называть свое имя, возраст, профессию, в каком качестве прибыли и откуда, не преминув упомянуть о вероисповедании, и прочие бесчисленные подробности, которые ранее я всегда считал незначительными и недостойными внимания...

Я сказал им, что прибыл из Лимы, чтобы потом не запутаться и не вызывать подозрений. Ваша профессия? — спросил меня русский чиновник. — Капиталист²⁴. С какой целью прибыли в Империю? — Это единственная страна Европы, где я не побывал, моя цель — познакомиться с ней. Ваш возраст? — 40 лет. — Ваше вероисповедание? — Католик. — Сколько времени Вы рассчитываете пробыть в России? — Два месяца...

Этот праздник допросов длился более двух с половиной часов, в течение которых все пассажиры должны были тупо переходить от стола к столу...

Спектакль закончился, и каждому выдали по билету... но, увы, не банковскому, а полицейскому, который служил пропуском в столицу России, на нем же был изложен наш новый катехизис правил и обязанностей путешественника, вступившего в пределы Российской империи...

Капитаны судов всегда следуют обычаю делать подарки морским чиновникам тех портов, куда прибывают. Я наблюдал это ранее во время всех моих путешествий. Но каково же было мое удивление, когда эти чиновники отказались от рюмки ликера и удалились, не приняв даже самых мелких подношений, которые хотел им вручить наш капитан, исключительно исполняя устоявшийся обычай*.

В восемь утра мы вошли в устье знаменитой Невы, наблюдая, пока издали, смутные очертания двух берегов славной столицы, основанной Петром Великим в 1703 г. Перехватывало дыхание от грандиозного вида множества золоченых куполов, блестящих, словно языки пламени, превращенные в чистое золото. Особо выделялся купол Исаакиевского собора.

Какой потрясающий вид города при въезде! Боже мой! Это настолько впечатляюще и величественно, что даже плоть замирает вместе с духом от столь сильного потрясения. Такие живые эмоции может пережить лишь человек, много путешествовавший и много видевший, что позволяет ему сравнивать, также они являются наградой за лишения, на которые он идет ради этой главной страсти путешественника. Путешествуя, человек может наблюдать проявления человеческой гордыни, мощи, искусства и труда, то есть тех вещей, которые неизвестны рабскому сознанию людей, никогда не

* Не могу промолчать о подобной ситуации в перуанских портах с нашими чиновниками. Они не удовлетворяются пищей и напитками, которые им предлагает капитан, а уносят с собой безо всякого страха большие подношения...

покидающих свой уголок, где они родились и где умрут, не понимая, для чего прожили эту жизнь.

Когда мы высадились на берег, вновь начались докучливые придирки властей: мы должны были вручить свои уже просмотренные паспорта хозяевам гостиниц, которые мы выбрали, а они в свою очередь отнести их в полицию. По прибытии надо было пройти тщательный таможенный досмотр, т.е. целый круг мытарств, прежде чем получить возможность пользоваться своими собственными вещами. Завершив все эти церемонии, я смог отправиться в гостиницу мадам Вильсон...

На следующий день я решил отыскать двух господ, к которым у меня были рекомендательные письма от молодого Кемпена из Амстердама: первое на имя одного юного русского торговца-миллионера и другое — к молодому немцу Генриху Шлиману²⁵, также торговцу, но не столь богатому, как первый.

У последнего был особый талант, он говорил на восьми языках, в совершенстве — на пяти: английском, французском, голландском, русском, немецком, а на трех: итальянском, испанском и португальском не так свободно, но говорил и писал на них достаточно хорошо, чтобы быть понятным без затруднений и ошибок в интерпретации мысли.

Этому господину я обязан массой услуг, о которых никогда не забуду. Ему не представлялось затруднительным ежедневно заходить за мной в гостиницу, чтобы сопровождать в моем знакомстве с самыми выдающимися достопримечательностями города. Он ввел меня в клубы, где состоял сам. Особый интерес для меня представлял клуб, членами которого были многие иностранцы, и в нем имелись любые газеты всех европейских столиц, более того, там была богатая библиотека со множеством книг и географических карт. Таким образом, я всегда был в курсе всех последних биржевых новостей. Кроме того, в клубе были кафе и ресторан, в котором подавали очень неплохую пищу по умеренной цене в один рубль. Это последнее обстоятельство особенно меня радовало, и я этим неоднократно пользовался... избегая обедов в гостинице.

Я не мог примириться с изощренным церемониалом в гостинице — специально одеваться к обеду, вести себя согласно этикету, который мне был ненавистен и сравним с пыткой, — предпочитая платить в клубе за еду, в клубе же вместе с пищей я покупал свободу. По истечении восьми дней я покинул гостиницу моих мучений под предлогом отъезда в Москву. Это жилье мне стоило 5 рублей в день, я заплатил за все с большим удовольствием и, не дожидаясь сдачи, ринулся вон из этого удушающего места. Я переехал в гостиницу под названием «Наполеон», более дорогую, нежели у мадам Вильсон, но в которой моя свобода не была ничем ограничена: я обедал и ужинал в удобное для меня время, а главное, заказывал те блюда, которые мне хотелось.

Одним из постояльцев в этой гостинице был господин Гарсиа дель Барко, посол королевы Испании при берлинском дворе; он прибыл в Санкт-Петербург с целью добиться признания российским правительством Изабеллы II²⁶. Все его усилия и подходы пока не принесли никаких результатов, кроме вежливых и учтивых слов. Министр иностранных дел России отвечал на запросы господина Гарсиа так: его Августейший монарх не видит возможности принять прошения, ибо Европа переживает времена постоянной смуты, и необходимо подождать результатов столь многочисленных и болезненных общественных волнений, а уж когда придет умиротворение континента, можно будет получить то, о чем просит испанское правительство.

На самом деле это был отказ под видом осторожной политики. Гарсиа не удавалось получить аудиенцию у императора Николая. Все было как в русской поговорке, характеризующей высокомерного владыку: Бог высоко, а Николай далеко. Гарсиа вынужден был вернуться в Берлин разочарованный и с невыполненным поручением.

Не понимаю, почему возникла такая поговорка русских о своем царе. Николая, возможно, чаще других монархов можно увидеть на публике. Я сам дважды встречал его на Невском проспекте, когда он проезжал в небольшой коляске, запряженной двумя лошадьми безо всякого сопровождения, лишь с кучером и лакеем на козлах. Его мундир был не более богат, чем у обычного капитана в отставке. Он был в серой шинели, а на голове была надета драгунская каска. Никогда бы не догадался, что этот скромный человек и есть августейший император всея Руси, если бы сопровождавший меня Генрих не сказал: вон едет Николай... вон едет царь... Какой мужественный и интересный тип человека! Какая бесстрашная природа и широта!

Другой раз я видел его на Марсовом поле, более известном как Царев луг. Это самая крупная из 35 или 40 петербургских площадей, не считая торговых. Это военная площадь, равной которой нет в Европе: на ней одновременно могут маршировать 40000 человек, а ее поверхность ровная, как ладонь руки.

В тот день Николай присутствовал на смотре 22000 солдат. Об этом заранее, за два дня, оповестили афиши. Царь прибыл на вороном коне весь в грязи и в сопровождении адъютанта. ...Закутавшись в свою серую шинель, он проскакал галопом мимо всех батальонов. В этом человеке, чей активный и упрямый характер уравновесил весь мир, русские военные видели Бога, они обожествляли его, испытывали по отношению к нему чувства преданности и страсти и во имя него были готовы в любой момент отдать свою жизнь...

Биржа. Много раз у меня была возможность наслаждаться видом этого шедевра современной архитектуры. Биржа открывалась в три часа дня, и торги длились до пяти, а вечером дела велись в более спокойной обстановке. Около тысячи коммерсантов участвуют в игре на бирже. Они занимают следующую за знатью ступеньку в обществе, на биржу нет доступа простолюдию, как это принято в других странах. В этом здании бесконечное число магазинов, размещенных в виде пассажа. Много торговых мест на первом и втором этажах не заняты. Однако следует признать, что это наиболее замечательный торговый пассаж во всей Европе. Его посещают самые знатные люди, а в праздничные дни по нему едва удастся продвигаться из-за огромного количества народа.

Аренда помещений вряд ли покрывает расходы по содержанию и освещению здания, которое осуществляется с помощью газа. Владелец (здание принадлежит частному лицу) предлагает аренду остальных помещений сроком на два года, с отложенным платежом на шесть месяцев, но даже на таких условиях не получается сдать все помещения. Дело в том, что русские женщины предпочитают делать покупки на базаре, в темных и тесных палатках торговцев. Вместе с тем, найти свободную комнату в Санкт-Петербурге не просто, хотя все время строятся новые здания, но и население постоянно прибывает, а значит, и цены за аренду остаются высокими. Меня уверяли, что в Санкт-Петербурге есть дома, дающие в год доход в 100 тыс. рублей...

В Петербурге ведется оптовая торговля, ибо это главный порт империи, а в Москве — и оптовая, и мелкая торговля, что создает впечатление интенсивного торгового движения.

Я прибыл в Москву, как и большинство других путешественников, с мыслью увидеть полупустой город, или по крайней мере опустошенный после ужасного пожара 1812 г. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что это город с 300000 душ населения с множеством прекрасных дворцов, на улицах огромное количество богатых лавок — немецких, французских и итальянских, торговцы в них — практически со всех стран мира, хотя все вывески на французском языке...

Часть города вокруг Кремля была уничтожена пожаром, но ныне уже застроена грандиозными зданиями, в тысячу раз лучшими, нежели те, которые погибли в огне. В Кремле — красивое и громадное здание арсенала, в нем располагаются канцелярия и музей²⁷, содержащий ни с чем не сравнимые сокровища, о них стоит поговорить отдельно. Там же находятся несколько присутствий и учреждений городского правительства и другие постройки, которые также заслуживают отдельного разговора.

Одним словом, за семь часов моей первой экскурсии я увидел множество удивительных вещей, которыми богат этот город... У меня не было ни гида, ни проводника, всякий раз я обращался к проходящим дамам с вопросами или за советом, что следует посетить и увидеть, конечно же, по-французски, этим языком владеют все благородные русские и все офицеры. И если бы ночь не стала непреодолимым препятствием для моего любопытства, я бы еще долго гулял по Москве, прежде чем вернуться в гостиницу. Было уже 5 часов, время обеда и отдыха.

В гостинице мадам Биллет был принят определенный этикет, не очень подходящий моей простой натуре, хотя и не был столь церемониальным и строгим, как у мадам Вильсон. Тем не менее обед длился полтора часа, а вот этого я не могу вытерпеть, и объяснившись, что хочу пораньше лечь, отправился к себе и проспал, как блаженный, 12 часов — прекрасная награда за три тяжелых предыдущих ночи переезда.

Проснувшись на следующее утро, я увидел яркое солнце и чистое небо — после обильного ночного снегопада. Снег на улице доходил до колен. И какой холод! Такого, как в то утро, мне еще не доводилось ощущать! Было невозможно ездить на обычных колясках, и я нанял тройку...

Я отправился к большой башне²⁸, которую мне рекомендовали посетить еще накануне. Удивление и восхищение наполнило меня, когда я поднялся на огромную высоту, обозревая весь город с его зданиями, казавшимися сделанными из серебра, кроме куполов, сейчас покрытых снегом, под которым блестело золото, переливаясь на солнце и создавая удивительный контраст со снегом. Это было самое захватывающее зрелище, когда-либо виденное мною. Я не верил своим глазам. То, что я лицезрел, мне казалось сном, волшебством или миражем, как в пустынях Египта, — настолько все было нереальным.

И, тем не менее, это было в действительности. Никогда не видел с таким совершенством распланированного города, который образует абсолютно правильную окружность. С высоты башни город напоминает завершенный по форме амфитеатр, где рядами были улицы с домами, каждый из которых был, как на ладони...

На этой башне имеется 31 колокол, почти все большие или, как их называют, ведущие, но есть один с самым сильным звуком, чей диаметр достигает четырех с половиной вар²⁹, а окружность — тринадцати с половиной вар. Нет другого такого места, как Москва!

Я простоял на башне четыре часа, наблюдая покрытый снегом город, светлые краски которого перемежались с блеском золота грандиозных и элегантных куполов церквей. ...Затем я решил вернуться в гостиницу. Ид-

ти было невозможно, животные и люди перемесили снег, который замерзал и образовывал ухабы и целые ледяные овраги, особенно на небольших боковых улочках, многие из которых даже не мощены, и их плохо убирают. Я ехал на маленькой повозке, которая не везде могла проехать, так что не раз приходилось слезать с нее и идти пешком.

По дороге я наблюдал толпу мужчин и женщин, стоящих на площади в ожидании, что кто-нибудь наймет их на работу. Какие лица и какие костюмы там можно было увидеть!..

Далее мне повстречалась большая группа женщин, которые были одеты в деревенские одежды, но при этом казалось, что в униформу, так как все были в голубом. Они шли и пели. Как мне сказал мой гид, один испанский юноша, они были подружками невесты и, скорее всего, участвовали в какой-то свадьбе. Был уже вечер, но какой-то очень светлый из-за снега.

В Москве, куда бы ты ни пошел, повсюду видишь церкви и еще раз церкви — они встречались мне везде, где я гулял вплоть до отъезда. Церкви и еще базары с самыми разнообразными товарами являются наиболее предпочтительными для меня местами для посещения...

Я покинул Москву вместе с другими четырьмя или пятью пассажирами, распределенными по трем повозкам, которые отправляет городская администрация почты: шесть экипажей в день, а точнее, три утром и три вечером, а в обратном направлении в те же часы и в том же количестве следуют из Петербурга в Москву. Мы отправились вечерними экипажами. В пять, когда уже было темно, мы еще не выехали за пределы старинной столицы России...

Естественно, что по таким дорогам поездка не могла быть быстрой, лошади шли по снегу, как бы танцуя, иногда опасно скользя по плохой дороге, что заставляло возниц притормаживать, хотя подковы у лошадей имеют три шипа и хорошо цепляются за ледяную дорогу. В такие почтовые повозки впряжены четыре, пять и до шести лошадей — все зависит от дороги и ситуации на почте. На некоторых станциях нет хороших лошадей на смену. Я видел похожих на скелеты, обтянутые кожей, но, главное, без следов хлыста или кнута. Местные погонщики не истязают животных, которые могли бы лучше работать, если бы их лучше содержали. Этот факт навел меня на воспоминания о варварских обычаях у нас в стране, где часто мучают бедных животных.

Когда я первый раз приехал в Лиму и увидел массу волов, мулов, ослов и лошадей, на них были заметны следы побоев и раны от ударов, а погонщики всегда старались ударить по самым болезненным местам, чтобы животное подчинялось. Я тогда пришел в ужас от этой картины и укрепился в убеждении, что народ, который сам с такой безжалостностью обращается с теми, кто ему служит и помогает в его тяжелом труде и заботах, не достоин сострадания. Это зло видно по всему Перу. На почтах юга, где мне довелось побывать, нет ни одного животного без ран и язв от ударов.

Нет надежды, что это зло, как и многие другие, могут быть преодолены быстро и радикально, но сейчас надо вернуться к рассказу о моем путешествии. Во время переезда из Москвы в Санкт-Петербург не произошло ничего значительного. В дилижансе я провел три дня и три ночи — ровно столько, сколько я потратил на дорогу сюда.

Когда наступало время обеда, все путешествующие получали еду в придорожной гостинице. Все были благородные и достойные люди. Однако среди нас был один генерал из знатной семьи, сопровождаемый несколькими адъютантами, которые отчаянно бросились занимать места, вероятно,

полагая, что не хватит либо места за столом, либо еды. Я немного задержался, приводя себя в порядок, и... когда вошел в обеденный зал, то не нашел ни одного свободного места. Все было занято другими пассажирами. Между тем, за центральным столом, где сидели генерал и его подчиненные, имелось свободное место, которое без лишних церемоний я и занял, исходя из принципа: плачу свои деньги и делаю, что хочу (*con mi dinero voy donde quiero*).

Генерал, видимо, был шокирован моей простотой, ибо, высоко подняв брови, окинул меня долгим взглядом, который говорил сам за себя. Поскольку я не обращал на него никакого внимания, а принялся заказывать блюда, которые мне хотелось бы попробовать в этот вечер, этот расшитый золотом мундир призвал распорядителя поездки и потребовал список всех пассажиров, выехавших из Москвы. Интересно, примет ли он меня за иностранца-авантюриста, разбогатевшего в России? Таких здесь много, происходят из самых темных и низких слоев общества, приезжают лечить мозоли или рвать зубы, рисуют портретики, а потом представляются аристократами. Неудивительно, что русские смотрят на таких птиц с большим презрением.

Так как моя личность до сих пор была окутана тайной, я решил покончить со всеми подозрениями и вопросами. Громко обратился к распорядителю и заказал бутылку мадеры. Мне тут же налили бокал, а я, изощряясь в любезности, пригласил генерала выпить со мной мадеры, а он пил бордо. Генерал продолжал изучать список путешествующих, и наконец-то, нашел меня: Х.Бустаманте, американец, капиталист и т.д., путешественник. После этого все изменилось, генерал вдруг стал сама любезность, которую источали даже его глаза, его неприступность и грозность развеялись. Он сам и его сопровождающие сразу же стали выказывать мне всевозможные знаки внимания и уважения.

Это лишний раз доказывает, что, путешествуя, надо не жить у кого-то из милости, а рассчитывать только на свои средства, что позволяет вести себя с полной свободой, которую дают деньги. А уж если поехать без денег, то будешь обречен терпеть одно унижение за другим, ощущать сплошное разочарование и вместо удовольствия получишь раздражительную реакцию и презрение тех, кто в других обстоятельствах будет доказывать свои братские чувства.

Наконец-то мы прибыли в Санкт-Петербург, и первое, что меня поразило, — невероятная, почти гробовая, тишина на улицах, в то время как, покидая этот город несколько дней назад, я запомнил сильный шум от пестрой нескончаемой толпы людей, от карет и колясок, пересекавших город в различных направлениях.

Все было, как во сне, я был в том же самом Санкт-Петербурге, но заснеженном, где сани заменили элегантные кареты, где люди тихо скользили по снегу, а не стучали каблуками по мостовой...

Население этой колоссальной империи достигает 64 миллионов душ, принадлежащих к различным классам. Между тем, без учета полузависимых народов или племен, в России на каждого свободного человека приходится 10 крепостных. И самое ужасное это то, что из такого огромного числа людей, обреченных на рабство, 40 или более миллионов являются абсолютной и исключительной собственностью 800 тысяч дворян. Что касается данного пункта, столь часто обсуждаемого и критикуемого, особенно апостолами филантропии, я хотел бы высказать свое абсолютно непредвзятое мнение, которое, скорее всего, будет непривычно для моих читателей.

До того, как Петр Великий привнес цивилизацию в Российскую империю, думаю, ни один даже свободный человек не был столь счастлив, как сегодня ощущают себя те, кого мы называем рабами. Тогда население было невелико, торговля почти не велась, доходы казны были незначительны, в то время как сейчас достигают ста миллионов рублей. Бесчисленные фабрики, растущие, как на дрожжах, дают работу множеству рабочих, обеспечивая хлебом их и их семьи. Не кажется ли вам, что сегодняшнее положение России в сто раз лучше, нежели три, два или столетие назад?

Да, российское правительство мудро, отечески заботливо, но своевольно. А как еще можно управлять столь варварским народом, каким является народ России? И если поменяется форма управления, будут ли возможны такие же достижения, а также величие, богатство и процветание, которых достигла страна и которые прославили Россию во всем мире?..

Нет такого путешественника, который бы не описывал положение в империи в самых черных красках, преувеличивая размеры коррупции в правительстве и степень угнетения подданных, деспотизм правления. Все приходят в ужас и замирают от страха, лишь прочитав «писания» на эту тему, являющиеся ни чем иным как уткой под заголовком «Тайны России». Вы найдете там и подробности деятельности инквизиторской полиции, совершающей преступления и разного рода злоупотребления до такой степени, что приходится лишь удивляться, что Россия до сих пор не превратилась в одно большое кладбище!*

В действительности ничего подобного нет: это лишь выдумки и наветы предубежденных людей, берущихся за перо лишь для клеветы. Все они — европейские писатели или путешественники, смертельно ненавидящие Россию, а потому говорят о ней жестко, без прикрас, но и не уважая святую правду.

В России столько же личной свободы, сколько и в других европейских странах. Русские не позволяют кому угодно приезжать в их страну, долго проверяя всех, но если вы здесь уже находитесь, никто за вами не следит, и вы живете, как хотите, и ездите повсюду, куда вам заблагорассудится.

Об этой империи пишут ужасные вещи, но я не верю ни одной из них, также не могу подтвердить их, хотя с этой целью и при разных обстоятельствах выспрашивал об этом у своих бесхитростных друзей.

Что касается меня, то мне не на кого и не на что пожаловаться: ни на российское правительство, ни на полицию или секретный сыск; я ходил везде и в любой час, когда мне хотелось, никто не ограничивал мою волю, я с полной свободой высказывался по политическим вопросам, и ни один русский не препятствовал мне в этом.

Скажу также, что нашел в России, к моему огромному удивлению, воспитанных и образованных военных. В них не было пустого бахвальства и чванства, что так свойственно американским воякам.

* Это чересчур! Глупо отрицать явные несправедливости и крупные преступления российского правительства, но если уж и призывать его к ответу, то назовите хотя бы одну страну, которой нельзя было бы предъявить подобные или еще более серьезные обвинения. Я говорю о сегодняшнем дне, о теперешнем правительстве, на которое никто не жалуется и которому не надо применять варварскую тиранию. Более того, целые семьи европейцев, особенно немцев, итальянцев и французов, ежедневно приезжают в Россию и в считанные годы обогащаются на торговле или в области искусств. Действительно, проникнуть в эту страну трудно, а чтобы выехать, надо преодолеть не меньшие, а иногда просто чудовищные препятствия. Однако это делается, чтобы власти могли убедиться: всякий въезжающий на московскую территорию должен быть полезным и деятельным человеком.

Отчего же так несправедливо писали об этой великой империи путешественники и историки, упрекая в скандальном и позорном режиме рабства, угнетающем в XIX в. подавляющее большинство населения?

Пусть меня считают экстравагантным и даже хуже того, но я продолжаю утверждать и буду утверждать противоположные суждения. Или же перейдем к сравнению. Что представляла собой эта страна вплоть до конца XIV в. и какие люди ее населяли?..

Слово «раб», конечно же, вызывает ужас, когда задумываешься над его содержанием. Однако если этот раб пребывает в большем благополучии и большем богатстве, чем свободные, то какое значение имеет этот термин? Есть тысячи форм рабства в этом мире и... рабы есть во всех странах.

Где еще есть более несчастные и вызывающие наибольшее сострадание, нежели на островах британского владычества? Кто же они, если не рабы, — тысячи нищих, населяющих все европейские государства? А как вы назовете азиатов или африканцев? И что же? Нет ли случайно таких же несчастных в свободной Америке? Достаточно бросить взгляд на нашу республику, и вы увидите, как под именем свободных и признаваемых законом граждан на самом деле скрываются бóльшие рабы, нежели в этой северной стране. Где же то место, куда рабство не проникло? Франция? Где самая ужасающая нищета не есть действительное рабство? Именно это рабство стало причиной того, что французы убивают друг друга, при этом мы считаем, что они меньше всех пострадали, по сравнению с другими народами, от угнетения и обладают самыми передовыми идеями, но вынуждены выбирать: либо восстать с оружием в руках, либо умереть с голоду. Я сам слышал, как они так говорили в дни борьбы и революции и еще чаще после нее.

Блага — вот, что нужно человеку, который будет счастлив, имея их, и ему будет все равно, как его называют.

Много еще чего я мог бы сказать о России, особенно об ее государственном строе, о различных культах и религиях, которые исповедываются здесь с отвратительным суеверием, но это — отдельная тема...

Покидая Петербург, я решил посетить старинное Польское королевство и купил место в дилижансе по маршруту Петербург — Варшава. Отправление дилижанса было назначено на 6 вечера, но было задержано на 3 часа, пока власти улаживали формальности по поводу выезда пассажиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. де Кюстин. Россия в 1839 г. М., 1996; Ф.Анселло. Шесть месяцев в России. М., 2001.

² E.Vásquez. La rebelión de Juan Bustamante. Lima, 1976, p. 47.

³ J.Bustamante. Viaje al viejo mundo, por el peruano Juan Bustamante, natural del departamento de Puno. Lo dedica a sus compatriotas. Lima, 1845.

⁴ J.Bustamante. Apuntes y observaciones civiles, políticas y religiosas con las noticias adquiridas en este segundo viaje a la Europa. Paris, 1849.

⁵ См.: История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000, с. 223—226.

⁶ J.Bustamante. Apuntes y observaciones... p. 577—589.

⁷ E.Vásquez. Op. cit., p. 125.

⁸ Ibid., p. 126.

⁹ P.-L.Abramson. Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999, p. 175.

¹⁰ Гонсалес Вихиль был директором Национальной библиотеки. За свои публикации был отлучен от церкви, а его произведения церковь включила в Index запрещенных книг.

- ¹¹ История Перу... с. 225.
- ¹² P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 182.
- ¹³ J.B u s t a m a n t e. Apuntes y observaciones... p. 6.
- ¹⁴ E.V á s q u e z. Op. cit., p. 163—164.
- ¹⁵ Ibid., p. 165.
- ¹⁶ P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 180.
- ¹⁷ J.B u s t a m a n t e. Apuntes y observaciones, p. 219—220.
- ¹⁸ Ibid., p. 214.
- ¹⁹ Ibid., p.200—202.
- ²⁰ Ibid., p. 205.
- ²¹ Ibid., p. 615—616.
- ²² P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 178.
- ²³ J.B u s t a m a n t e. Apuntes y observaciones... p. 531.
- ²⁴ Здесь — обладатель капитала, рантье.
- ²⁵ Генрих Шлиман (1822—1890) — знаменитый открыватель Трои и сокровищ Приама. В 1841—1846 гг. работал в торговой фирме в Амстердаме, где и свел знакомство с Кемпеном. В 1846 г. уехал в Россию и поначалу был представителем голландской фирмы, но вскоре основал собственный торговый дом в Петербурге, где жил до 1850 г.
- ²⁶ Речь идет о признании Изабеллы законной правительницей Испании после достижения ею совершеннолетия в 1843 г. Ее права на престол оспаривались ультраконсервативной партией ее дяди Дона Карлоса. С 1833 г. Испания пережила не одну так называемую «карлистскую войну».
- ²⁷ Оружейная палата.
- ²⁸ Колокольня Ивана Великого.
- ²⁹ 1 вара = 84 см.